

НАХОДКИ НА БЕРЕЗОВКЕ



Весной я со своим другом Гришей Яценко, прихватив фотоаппарат, рюкзак и еду, отправился в ущелье речки Березовки.

Некогда это ущелье было далеко за городом, а теперь домики вплотную подступили к нему. Казалось бы, такое близкое соседство должно изменить картину ущелья, сделать его слишком обитаемым. Но этого не произошло, и теснина оставалась тесниной. Не успели мы с Гришей пройти первые двести-триста метров, как тотчас же забыли обо всем на свете и нашим вниманием целиком овладела красота горной природы.

Вперед вела каменистая тропинка, которая петляла с перевала на перевал и часто пересекала быструю и шумную Березовку. Никаких мостиков не встречалось, и мы, переходя воду, прыгали с камня на камень. В пути часто останавливались и восхищались высокими обрывистыми, зачастую неприступными стенами ущелья.

Надо ли говорить, что мы то и дело фотографировали обрывы, шумные буруны на речке, одинокие скалы и дружно набивали рюкзаки разными камешками: красноватыми, палевыми, синеватыми и пестрыми. Незаметно для себя мы достигли той полянки, на которой из красноватых песчаников выбивается холодный ключ нарзана. Вольготно устроились на отдых, аппетитно поели и принялись приводить в порядок свои находки.

— Интересно! — воскликнул Гриша, рассматривая желтоватый осколок камня, на срезе которого тускло поблескивал

яйцевидный натек, — что это за штука?

— В самом деле, попробуй отгадай, — отозвался я.

Поочередно подержали в руках загадочный камень, ощупали его со всех сторон, постукали по нему другим камнем и даже... понюхали.

— Думаю, что это кальцит, — сказал наконец Гриша, который очень любил возиться с разными каменными породами и знал их на званья.

— Предположим, что кальцит, — согласился я, — так что же?

— А то, что мы его сейчас расколем и заглянем внутрь «яичка».

— Жалко, — возразил я.

— Чепуха! — воскликнул мой товарищ.

— Надо же знать, что в нем кроется! С этими словами Гриша расколол осколок песчаника, освободил «яичко», повертел перед носом, а потом и его расколол. И что же? Из «яичка» выскочил тонкий продолговатый кристаллик голубого цвета.

— Что за диво? — воскликнули мы с Гришей в один голос. Усевшись поудобней, долго и пытливо рассматривали голубой кристаллик.

— Каменный цветок! — твердили восхищенно. Но дальше восхищения дело у нас не подвигалось. Определить находку мы не могли.

Уже под конец путешествия нашли еще два голубых кристаллика.

— Вот это удача! — поздравляли мы друг друга, покидая Березовское ущелье.

Со своими находками отправились в музей краеведения.

— Это целестины, — сказали нам.

Несколько десятков миллионов лет назад на месте Кисловодска и его окрестностей катило свои волны Юрское

море. В мелких водах этого моря медленно передвигались раки-отшельники, на песчаном дне пестрели большие и малые раковины. Не торопясь, плавали полупрозрачные медузы и шевелили своими конечностями-лучами цветные звезды. На подводных камнях, на стебельках растений и даже на иглах морских ежей жили маленькие организмы, похожие на белые игольчатые шарики-радиолярии. Это были удивительные обитатели моря, и не менее удивительной была их жизнь. Они извлекали из морской воды соли сернокислого стронция, который шел на образование красивых скорлупок. Умирая, радиолярии опускались на песчаное дно, смешивались с морским илом. Так постепенно в пластах морских отложений накапливался редкий металл — стронций.

Прошли века. Под действием геологических процессов отступило в другие места море, высоко поднялось морское дно, образуя горные хребты. В эту бурную пору жизни земной коры, под влиянием сложных химических растворов, скорлупки радиолярий превратились в нечто новое, после чего снова отложились в пластах песчаников и известняков в виде голубых кристалликов. Но это уже был не серебристо-белый стронций, а — целестин. Тут же мы узнали, что из целестина добываются стронциевые соли, которые применяются в пиротехнике.

ГОРЯЧАЯ ГОРА

ЗЕЛЕНОВАТО-СЕРЫЙ кряж вдоль Подкумка на первый взгляд кажется одним из безлесных склонов Машука.

Но это не совсем так.

Если все вершины Пятигорья появились на свет в результате продолжительной деятельности вулканических сил, то эта гора как бы родилась из горячих минеральных источников.

Ну где это видано, чтобы гора возникла таким необычным путем? Не сказка ли это? Нет, не сказка, но граничит со

сказкой.

Представьте себе быстрый ручеек серной воды. Окутанный теплым паром, он с веселым говором струится по желтоватому или розоватому руслу. Вы ставите в этот ручеек блюдце с кистью винограда. Приходите через несколько дней и не узнаете своего блюдечка. Оно вместе с виноградом покрылось палевой чешуйчатой накипью, или, как ее еще называют, пенкой, а геологи — травертином или туфом. Свежий травертин легко разламывается и растирается на крупинки пальцами. При этом очень хорошо видно, что состоит он из разнovidных кристалликов. А что это за кристаллики? Оказывается, тоже разнообразные: тут есть углекислый кальций, гипс, поваренная соль, кремнезем и многое другое. Вот какая сложная пенка!

Ну а как же все-таки гора получилась? Неужели из этих крупинок и едва видимых кристалликов? Не верится — ведь это гора, а не какой-нибудь холмик. Представьте себе, выросла гора именно из крохотных крупинок. Вот как это произошло.

Были, разумеется, такие времена, когда никакой горы здесь не было. На каменистом косогорье Машука из трещин вырывались и взлетали вверх клубы горячего голубоватого пара. Сквозили массы нагретых газов. С шумом выбивались ключи горячей серной воды и множеством неистовых потоков, прыгая с выступа на выступ, взапуски катились к Подкумку. Все эти потоки, ручейки и даже маленькие струйки, остывая и замедляя свой бег, откладывали на своем пути нежный красивый туф. Вороха этого туфа росли. Загромождая свободное течение потоков, они постепенно сближались и срастались в одно целое.

Так много столетий упорно работали серные ключи. Сами себе закупоривали ходы в одних местах, пробивались на поверхность земли в других, но продолжали шуметь и выносить из недр тонны крупинок травертина и откладывать их слоями на косогорах.

Новая гора, окутанная облаками теплого пара постепенно увеличивалась, приобретала свой предельный объем и форму. Затем появились на ее склонах трава и кустарники. Ветер, дожди и холод там и здесь образовали ложбинки, пещерки и впадины. Со стороны Эльбруса, действовавшего в те времена гигантского вулкана, долетал пепел и откладывался в ручейках и водоемах серной воды.

Само собой разумеется, что многое изменилось в жизни Горячей горы к тому времени, когда она стала известна людям. Искияли многие ключи серной воды. Перестали струиться из расселин газы и пар. Гора перестала расти и, наоборот, начала медленно разрушаться под действием воды, тепла и холода.

Пользоваться целебными водами Горячей горы люди стали очень давно. На ее вершине имелись высеченные в травертине примитивные ванны, простые углубления и ямы. Русские познакомились с горячими ключами горы еще в XVI веке. Первыми

«пользователями» серной воды были солдаты и офицеры Константиногорской крепости, сооруженной недалеко от Подкумка в 1780 году. Военные, уезжая домой, в далекую Россию, стали рассказывать о целебных водах Горячей горы. Долгое время приезжие больные пользовались примитивными углублениями с водой, деревянными ваннами, ютились в палатках, шалашах, в лучшем случае — в домиках Константиногорской крепости. Постоянные строения у Горячих вод появились в 1812 году. В наше время у подножия горы и на ее склонах красуются Современные лечебницы.

О былых бурных временах жизни Горячей горы напоминают толщи красивого, ажурного травертина, пещеры с причудливыми натеками,, рельефные отпечатки листьев, стеблей, крылышек насекомых на обломках пенки, серовато-коричневые комки вулканического пепла и окаменевшие кости давно вымерших животных.